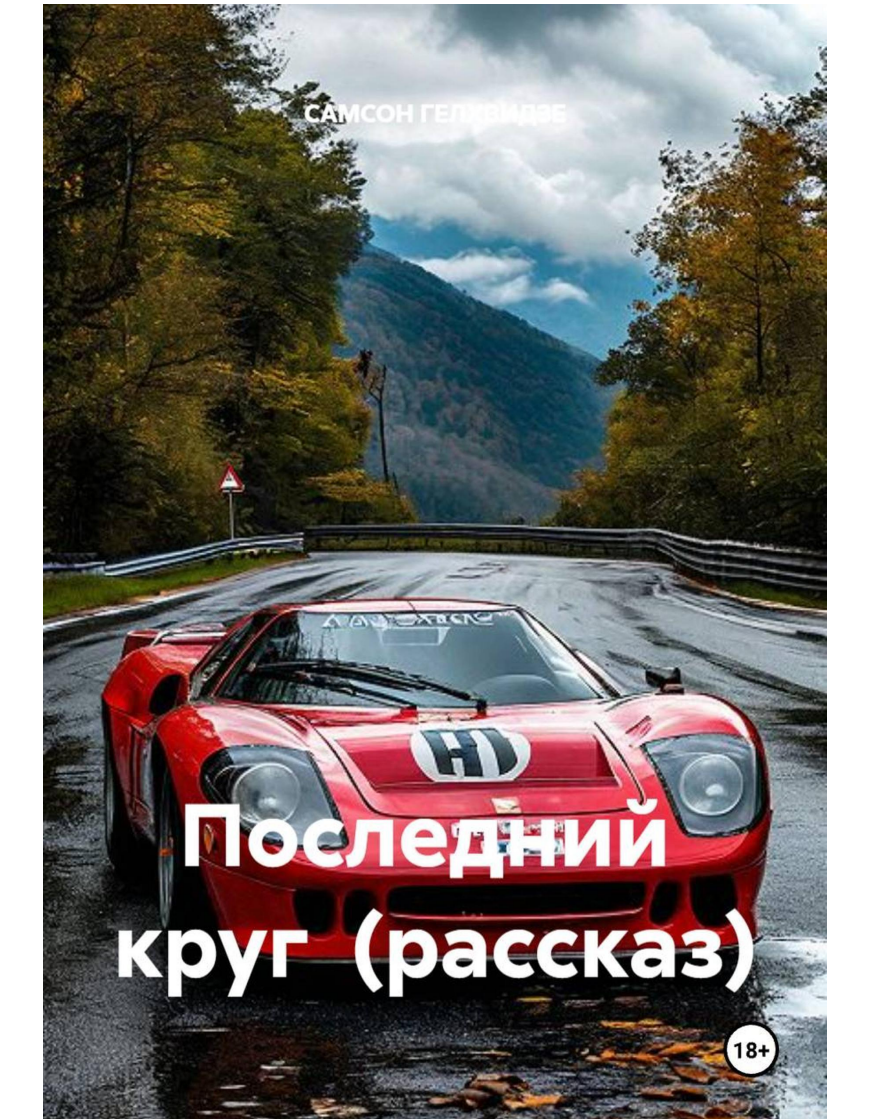

A red Ferrari sports car, possibly a 458 Italia, is driving on a wet, winding asphalt road through a forest. The road is slick with rain, reflecting the car and the surrounding greenery. The car has a white racing number '11' on its front. In the background, a steep, forested mountain rises under a cloudy sky. The scene is captured from a low angle, emphasizing the car's presence on the road.

САМСОН ГЕЛХИДЗЕ

Последний круг (рассказ)

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

Последний круг (рассказ)

<https://litres.ru/74396163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ Самсона Гелхвидзе «Последний круг» — произведение о скорости, пределе, одиночестве и цене человеческого стремления к совершенству. На внешнем уровне перед читателем история становления великого автогонщика Айртона Сенны — от первых детских ощущений за рулём до последнего круга. Но за спортивной оболочкой рассказ постепенно раскрывается как философское размышление о человеке, который не способен существовать иначе, чем на пределе собственных возможностей.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

Последний круг (рассказ)

Последний круг (рассказ)

Глава 1

Тишина перед скоростью

В Бразилии дождь никогда не бывает просто погодой. Он приходит как состояние мира — тяжелый, плотный, почти живой. Он стирает границы между дорогой и небом, между домом и улицей, между ребенком и тем, кем он однажды станет.

В одном из таких дождливых дней мальчик впервые сел за руль.

Машина была не настоящей — слишком маленькой, слишком легкой, слишком простой, чтобы кто-то взрослый назвал это серьезным началом. Но для него это было не игрой. Уже тогда в его движениях было то, чего не бывает у детей: странная точность, будто тело заранее знает траекторию, по которой оно должно пройти.

Отец стоял рядом, молча наблюдая.

Он не улыбался широко. Не подбадривал громкими словами. Просто смотрел так, как смотрят на вещь, в которой пока не уверены, но уже чувствуют её значе-

ние.

— Не спеши, — сказал он наконец.

Мальчик не ответил.

Он вообще редко отвечал сразу, когда был сосредоточен.

Руль в его руках казался продолжением пальцев, а не отдельным предметом. Он не боролся с движением — он входил в него, как будто дорога уже заранее согласилась на его присутствие.

Когда машина остановилась, дождь стал громче.

Отец подошёл ближе.

— Ты не боишься?

Мальчик посмотрел на него так, как будто вопрос был странным.

— А зачем бояться того, что всё равно происходит?

Ответ был простым.

И поэтому слишком взрослым.

В тот вечер никто ещё не знал, что это не просто ребенок, который любит скорость.

Это был человек, который не умел существовать без предела.

И предел для него всегда будет двигаться вместе с горизонтом.

Позже, когда он уже будет взрослым, он будет помнить не победы и не поражения.

Он будет помнить именно этот дождь.

И тишину перед первым настоящим ускорением.

Потому что скорость никогда не начинается с движения.

Она начинается с момента, когда ты больше не можешь оставаться на месте.

Глава 2

Когда скорость становится характером

Сначала никто не замечает, когда человек перестаёт быть просто талантливым и становится одержимым. Это не выглядит как перелом. Это не сопровождается драмой. Просто однажды окружающие начинают понимать, что с ним нельзя договориться о среднем темпе жизни.

Он не спорит, не объясняет, не навязывает. Он просто иначе не может.

Подростком он уже отличался от остальных не техникой — техникой можно научиться. Он отличался отношением к ошибке. Для большинства ошибка была событием. Для него — раздражающим шумом, который нужно немедленно исправить, как будто сама реальность допустила неточность.

Однажды тренер наблюдал за его заездом и после долгой паузы сказал:

— Ты едешь так, будто тебя кто-то догоняет.

Мальчик снял шлем, посмотрел спокойно.

— Меня всегда кто-то догоняет.

— Кто?

Он не ответил сразу. И только потом, как будто это было очевидно:

— Все, кто может ехать быстрее.

В этих словах не было бравады. В них не было желания впечатлить. Там было внутреннее устройство мира, в котором остановка означала потерю смысла.

Позже, когда он стал старше, люди начали говорить о его дисциплине. Но это было не совсем правильное слово. Дисциплина предполагает выбор. У него выбора не было.

Он мог только идти глубже, в точность и в контроль.

Глубже в скорость, которая постепенно переставала быть инструментом и становилась языком, на котором он думал.

Иногда ночью он долго не мог уснуть. Не потому что был взволнован, а потому что в голове продолжала ехать трасса. Повороты, торможения, выходы.

Он проигрывал их снова и снова, пока не доводил каждый участок до состояния, где уже нечего улучшить. И только тогда позволял себе закрыть глаза.

Однажды мать сказала ему:

— Ты живёшь так, будто у тебя нет будущего.

Он ответил спокойно:

— У меня нет лишнего будущего.

Она не поняла, а он не объяснил, потому что объяснять означало замедляться, а замедление всегда казалось ему началом потери контроля. В этом и была его особенность. Он не искал риск. Он просто не признавал существования границы, которую нельзя улучшить. И чем выше он поднимался, тем меньше становилось людей, которые могли идти рядом. Не потому что он их обгонял, а потому что они начинали оставаться позади ещё до старта.

И где-то внутри уже формировалось то, что позже назовут его судьбой. Не как трагедию, а как форму движения, у которой нет режима «медленно».

Глава 3

Европа, где скорость имеет цену

Переезд в Европу не был для него мечтой в романтическом смысле. Это не выглядело как “новая жизнь” или “шанс”. Скорее как переход в другое измерение, где всё то, что раньше казалось главным, внезапно переставало иметь вес.

Бразилия оставалась позади не как родина, а как естественная среда, где талант ещё может существовать без объяснений. Здесь же, в Европе, всё требова-

ло объяснения: деньги, связи, контракты, репутация, происхождение. Даже скорость, которая раньше была чистым ощущением, теперь становилась частью расчёта.

Он быстро понял первое правило нового мира: талант важен только тогда, когда он уже доказан. А чтобы его доказать, нужно сначала выжить в системе, которая не верит в тебя по умолчанию.

Паддоки Формулы-1 и младших серий встретили его не враждебностью — хуже, равнодушием. Равнодушие было самым точным фильтром.

Люди смотрели на него так, как смотрят на очередного быстрого новичка, который через сезон исчезнет, не оставив следа. Таких было много. Слишком много, чтобы каждый из них заслуживал внимания.

Он это чувствовал, но не воспринимал как приговор. скорее как задачу.

Однажды после гонки, где он снова показал результат выше ожидаемого, в боксах стояла привычная суета: механики обсуждали настройки, кто-то спорил о шинах, менеджеры говорили о бюджете. И в этом шуме к нему подошёл человек в дорогом костюме — один из тех, кто не участвует в гонках, но решает, кто в них остаётся.

— Ты быстрый, — сказал он без эмоций.

— Это не новость, — спокойно ответил Сенна.

Человек усмехнулся.

— Новость в том, что ты думаешь, что этого достаточно.

Он продолжил:

— В Формуле-1 быстро — это не характеристика. Это входной билет. А дальше начинается политика.

Сенна смотрел на него спокойно.

— Я не умею в политику.

— Тогда тебе будет сложно.

— Мне и не должно быть легко.

Эта фраза не была вызовом. В ней не было агрессии. Это было простое описание внутреннего состояния, как будто он говорил о погоде.

И именно это начало раздражать людей вокруг. Потому что он не торговался, не играл в отношения, не пытался понравиться, он просто ехал быстрее.

Но система не любит прямоту. Она любит управляемость.

И очень быстро он понял второе правило: в этом мире недостаточно быть лучшим на трассе — нужно ещё быть удобным вне её. Он не был удобным.

Вечером, после очередного дня переговоров и формальных разговоров, он остался один в гостинице. За окном был чужой город, чужой воздух, чужая тишина.

Он долго сидел, не включая свет. И впервые позволил себе не думать о трассе.

И в этой пустоте появилась странная мысль: возможно, скорость — это не дар и не талант. Возможно, это способ не принадлежать ни одному месту, не семье, не стране,

не системе, а только движению. Но движение, как он ещё не знал тогда, всегда требует платы. И чем выше скорость — тем раньше приходит момент, когда платит уже не пилот, а всё вокруг него. Иногда даже мир.

Глава 4

Когда талант начинает мешать системе

В Формуле-1 не любят неожиданности. Они могут восхищать публику, попадать в заголовки газет, создавать легенды — но внутри системы они воспринимаются как сбой. Потому что любой сбой означает нестабильность, а нестабильность в мире денег и контрактов всегда опаснее, чем проигрыш.

Он начал выигрывать раньше, чем от него этого ждали. И это стало проблемой.

Сначала это выглядело как удача новичка — хорошая гонка, удачная стратегия, совпадение обстоятельств. Но когда такие “совпадения” начали повторяться, отношение к нему изменилось. Не сразу. Почти незаметно. Просто в паддоке стало меньше улы-

бок и больше пауз перед ответами.

Он чувствовал это, но не придавал значения. Для него всё по-прежнему решалось на трассе. Остальное казалось шумом.

Однажды после особенно сильного заезда он вернулся в боксы и увидел, что атмосфера изменилась. Не в словах — в жестах. Люди говорили тише. Смотрели осторожнее. Как будто результат гонки был не просто результатом, а заявлением, которое кому-то пришлось переваривать.

Менеджер команды встретил его не сразу. Потом долго смотрел в бумаги.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он наконец.

Сенна снял перчатки.

— Я выигрываю.

— Это не так просто, как ты думаешь.

Он посмотрел прямо.

— Для меня это именно так.

В этих словах не было вызова. Но именно это и стало проблемой.

Потому что система всегда ожидает либо оправданий, либо игры. А он не делал ни того, ни другого.

Он просто продолжал ехать так, будто не существует другой скорости, кроме правильной.

Внутри команды начали появляться разговоры, ко-

которые он не слышал напрямую, но ощущал по изменившемуся отношению. О нём говорили как о “слишком самостоятельном”, “слишком прямом”, “сложном в управлении”.

В Формуле-1 это почти диагноз.

Однажды вечером к нему подошёл инженер, с которым он чаще всего работал на трассе. Разговор начался спокойно, почти дружески, но в нём чувствовалось напряжение.

— Ты не оставляешь нам пространства для ошибок,
— сказал он.

Сенна не сразу понял.

— Ошибок?

— Да. Ты едешь так точно, что любые наши недочёты становятся заметны.

Он помолчал.

— Значит, нужно делать меньше ошибок.

Инженер усмехнулся.

— Это не всегда возможно.

И в этот момент между ними возникла первая настоящая трещина — не личная, а системная. Потому что он искренне не понимал, как можно принимать неточность как норму.

Для него неточность была врагом.

Для системы — частью процесса.

Именно здесь он начал становиться неудобным.

Не потому что был конфликтным.

А потому что был слишком серьёзен в мире, который привык договариваться с несовершенством.

Чем больше он выигрывал, тем больше вокруг него появлялось скрытого сопротивления.

Ему не запрещали, его не останавливал никто напрямую. Но пространство вокруг него начинало сужаться — как коридор, в котором постепенно убирают лишние двери. Он ещё не понимал, что это и есть настоящая борьба, не на трассе, а вокруг неё. И самое опасное в этой борьбе было то, что её нельзя выиграть скоростью. Можно только выдержать.

Глава 5

Скорость против имени

Есть момент в карьере любого великого пилота, когда он перестаёт быть просто быстрым. Его имя начинает значить больше, чем его машина. Больше, чем команда. Больше, чем сам результат. И тогда гонки перестают быть просто соревнованием техники — они становятся столкновением личностей.

Для него этот момент наступил неожиданно рано. Он уже выигрывал. Уже был замечен. Уже стал тем, о ком говорили в паддоке не как о перспективе, а как о факте. Но именно в этот период он впервые почув-

ствовал, что скорость больше не принадлежит ему одному. Она стала частью чужих ожиданий и чужих интересов.

Первым настоящим соперником был не конкретный пилот. Первым соперником стало имя. Имя тех, кто уже был в системе, тех, кого знали. Тех, кого подерживали не потому, что они быстрее, а потому, что они уже были “своими”. Он заметил это в мелочах. В том, как на брифингах одни решения обсуждаются дольше, чем другие.

В том, как к некоторым пилотам подходят с уважением заранее, ещё до результата.

В том, как его имя произносится чуть позже, чем остальные — не из невежливости, а из привычной иерархии. Он не жаловался. Он просто запоминал.

Однажды перед гонкой к нему подошёл один из опытных гонщиков — человек с репутацией, историей и влиянием, которое не записано в таблицах результатов.

— Ты быстрый, — сказал он спокойно.

Сенна посмотрел на него.

— Я знаю.

— Но здесь этого недостаточно, — добавил тот.

Он не спорил.

И это удивило собеседника.

— Ты не возражаешь? — спросил он.

Сенна застегнул перчатку.

— Против факта не возражают. Его преодолевают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.